

Бернару Женье, в Динар, слеза в океане

Оглавление

Предисловие. Отличить ложь от правды	9
Пролог	15
Часть 1. «Венера с вуалью»	21
ГЛАВА 1. Похищение «Венеры»	22
ГЛАВА 2. Рождение «Венеры»	32
ГЛАВА 3. Зарождение сомнения	47
ГЛАВА 4. Обследование «Венеры»	57
ГЛАВА 5. Дерево и огонь	67
ЧАСТЬ II. Руффини и дом Бори	79
ГЛАВА 6. Джулиано Руффини собственными глазами и глазами других	80
ГЛАВА 7. В поисках Бори — отца и дочери . . .	91
ЧАСТЬ III. Фламандские сюрпризы	97
ГЛАВА 8. Нападение разбойников	98
ГЛАВА 9. Черная серия	110
ЧАСТЬ IV. Голландский джентльмен	121
ГЛАВА 10. Возникновение Хальса	122
ГЛАВА 11. Большие ожидания	131
ГЛАВА 12. Пункт назначения — Лондон	139
ГЛАВА 13. И тут появляется фталоцианин . . .	151
ГЛАВА 14. Драка	160
ГЛАВА 15. Синдром тюлененка	164
ГЛАВА 16. Процесс	167

ЧАСТЬ V. «Белла Маньера»	185
ГЛАВА 17. «Святой Иероним» на прогулке . . .	186
ГЛАВА 18. «Святой Иероним» блуждает	198
ГЛАВА 19. Возрождение и падение	201
ГЛАВА 20. «Давид», адрес неизвестен	212
ГЛАВА 21. Фискальная марка и каракули	221
ГЛАВА 22. По указанному адресу не проживает	237
ГЛАВА 23. Пергаменты и зверюшки	249
ГЛАВА 24. Страсти Христовы	255
ГЛАВА 25. Скандал с Корреджо	263
ЧАСТЬ VI. Круг сжимается	275
ГЛАВА 26. «Величайший из ныне живущих старых мастеров»	276
ГЛАВА 27. Признания авантюриста	285
ГЛАВА 28. Испанский канал	295
ГЛАВА 29. Инвентарный список	303
ПОСЛЕСЛОВИЕ	312
БЛАГОДАРНОСТИ	318

Предисловие

Отличить ложь от правды

Этот рассказ — результат пяти лет расследования, начавшегося с момента, когда первый, а потом второй свидетель пришли побеседовать со мной и рассказать о своих невероятных приключениях в закулисные арт-рынка, где заключаются миллионные сделки, плетутся интриги, случаются молниеносные падения и головокружительные взлеты.

Я уже тогда не сомневался в масштабах потрясения, которое вызовет эта информация, и в том, что его отголоски распространятся по всей планете. Лувр, Национальная галерея в Лондоне, музей Метрополитен в Нью-Йорке, Музей истории искусства в Вене, Национальный музей в Парме, отделения *Sotheby's* и *Christie's* в Париже, Лондоне и Нью-Йорке, многие престижные галереи Лондона и Парижа, не считая различных экспертов из Европы и США, оказались замешаны в разразившемся скандале — естественно, против своей воли. Юридические процедуры проводились в Париже, Нью-Йорке, Лондоне и Милане. Несмотря на различные заявления, сделанные в ходе расследования, ни один из участников событий до сих пор

не был осужден. Официально расследование началось во Франции в 2015 году по делу о художественных подделках, мошенничестве и отмыывании денег, но до сих пор неизвестно, какой будет его развязка. А пока оно идет, следует помнить, что вина подозреваемых еще не доказана.

К сожалению, на картины презумпция невиновности не распространяется. После серии научных исследований, часть которых была инициирована следствием, многие из них были объявлены подделками — иногда блестящими, иногда не очень, но обязательно создающими иллюзию подлинности. Тем не менее, прежде чем подвергнуться лабораторным анализам, эти картины были вознесены на пьедестал авторитетными экспертами, и в некоторых случаях споры об их происхождении продолжаются до сих пор. Здесь приходит на ум крылатое выражение Оскара Уайльда: «Правда редко бывает чистой и никогда не бывает простой». Историки искусства постоянно противоречат друг другу, а научная экспертиза натывается на проблемы, которые на первый взгляд кажутся неразрешимыми. В своей книге я постарался привести аргументы разных сторон. Читателю предстоит прийти к собственному заключению в ожидании, пока судьи разберутся, где правда, а где ложь.

Французское законодательство, приходится признать, мало чем может им в этом помочь. Закон о борьбе с подделками в искусстве не редактировался с 1895 года, поэтому полицейские, жандармы и судьи,

сталкиваясь с фальсификаторами, выдвигают против них обвинения по другим статьям, например о мошенничестве. Сам термин «подделка» может иметь разные значения. Искусствоведы, эти кладези мудрости, различают, например, «реплики» (произведения того же автора, который повторяет свои композиции для разных заказчиков) и «копии» или «пастиши» (основанные на исходном произведении, но не повторяющие его полностью), выполненные без мошеннических целей, как правило, в ту же эпоху, что и оригинал. Со всем другое дело — намеренное создание таких копий с целью получить с жертвы деньги, порой весьма значительные. Намерение, соответственно, имеет здесь принципиальное значение.

В обычном языке все гораздо проще. «Подделка» — это то, что не является оригиналом. Вот почему пресса регулярно поднимает шум, сообщая об обнаружении «поддельного Рембрандта», в то время как речь идет о произведении какого-нибудь его одаренного ученика, которое впоследствии спутали с работой учителя.

В юридической терминологии значение этого слова таково: подделками называют предметы, созданные с мошеннической целью, откуда и уничижительная коннотация. Точно так же, если в обыденной речи «контрафакт» считается синонимом подделки, то, по французскому законодательству, трактующему данный термин более конкретно — это нарушение авторских прав, будь то плагиат или репродуцирование произведения без разрешения автора.

Мошенники всегда обаятельны — при их профессии это необходимо. А вот богатые покупатели редко вызывают сочувствие широкой публики. Мы относимся к ним, скорее, с недоверием и даже злорадствуем, когда их обманывают. Нам может быть за это стыдно, но такова уж человеческая натура. Но прежде чем обвинять — с точки зрения морали, а не юриспруденции — персонажей этой книги, стоит напомнить себе о том, что все мы можем ошибаться. Честных людей на свете все-таки больше. Право на ошибку есть у каждого, а подделки могут быть крайне убедительными. Если бы лаборатории, проверявшие упомянутые в книге картины, единогласно подтвердили, что они фальшивые, их автора следовало бы занести в пантеон величайших фальсификаторов нашего времени. Получилось бы, что он сумел подделать произведения максимально разных стилей, причем с использованием старинных материалов. Тут на сцену выступают скептики, которые говорят, что одному художнику просто невозможно скопировать столько великих мастеров из разных эпох. Да и большинство экспертов не допускают мысли о том, чтобы фальсификатор замахнулся на портреты Золотого века и одновременно — на алтарные образы Ренессанса. Но ведь то же самое говорили и о мебели из королевских дворцов. К несчастью, реальность опровергла это убеждение, свидетельством чего стало дело о фальшивых креслах Марии-Антуанетты, купленных Версальским дворцом, и масштабном производстве поддельной мебели Булля, краснодеревщика Людовика XIV.

Несмотря на бурные дебаты, неоднократно разразившиеся в прессе в последние несколько десятилетий, нельзя недооценивать фальсификаторов, ведь так мы рискуем превратить их в героев нашего времени, проникнутого либертарианством. Практически всегда они и их пособники — это преступники, охваченные жадной наживы. Те, кому доводилось слышать, о чем говорят между собой по телефону арт-дилеры, знают, что они постоянно препираются по поводу раздела прибыли, не гнушаясь даже шантажом и угрозами. Их объединяют жадность, цинизм и эгоизм — порой приводя к достижению больших высот в профессии, а порой к редкостной глупости в ведении дел.

Ахиллесова пята этих людей — стремление к славе; большинство из них — фантазеры, постоянно преувеличивающие свои подвиги. Этот же нарциссизм свойствен и фальсификаторам. Все они гордятся своими произведениями. Но главный судья, которого никому из них не избежать — это время. Испытание временем подделки не проходят: пастиш всегда носит отпечаток той эпохи, в которую был создан. «Дело в том, — пишет Жан-Луи Гэллемен в своей книге *Слишком хорошо, чтобы быть правдой** — что создатель подделки не только ориентируется на представление о подлиннике, которое довольно мимолетно, но еще и использует те элементы, которые привлекают его современников». Это может происходить ненамеренно, даже непроизвольно. Но подделка неизбежно выдает время, когда

* *Trop beau pour etre vrai*, Le Passage, 2019.

она была создана. Правда, должны пройти годы, чтобы все встало на свои места. Как заметил мой уважаемый коллега Гарри Беллет, с неподражаемой иронией описывая крупные аферы прошлого в серии статей, опубликованных в 2015 году в журнале *Le Monde* (изданы в виде сборника под названием *Знаменитые фальсификаторы**), журналистам, которые славятся своей ленью, легко говорить задним числом, что подделка сразу была очевидна. Очень мало кто из представителей этой профессии замечает это вовремя — и еще меньше осмеливаются заявить о своих подозрениях вслух.

Вот почему перед коллекционерами остро встает вопрос: как же определяется стоимость произведения, если экспертиза не может установить даже его подлинность? Множащиеся скандалы подрывают основы, на которых строился мир искусства. Знаменитая нью-йоркская галерея Нодлер**, которая оказалась вовлечена в грандиозный скандал с поддельными картинами, пережить его не смогла. Остальные на очереди.

* *Faussaires illustres*, Actes Sud, 2018.

** Knoedler (M. Knoedler & Co.) — художественный салон (галерея) в Нью-Йорке, основанный в 1846 году. Одна из старейших коммерческих художественных галерей в США, работавшая 165 лет и закрывшаяся в 2011 году из-за судебных исков о мошенничествах.

Пролог

Вторник, 29 октября 2019 года. Болонья. Неприметный силуэт проскальзывает в Дворец правосудия — мужчина среднестатистической внешности, в котором ничто не говорит, что однажды он может стать мировой знаменитостью. В этом прекрасном городе, сохранившем шарм, которого Венеция и Флоренция давно лишились, здание суда из розового песчаника стоит на месте бывшей крепости, исчезнувшей с лица земли. Возле таблички с запретом на курение под угрозой штрафа на сумму от 27,50 до 2700 евро (итальянцам свойствен размах), полицейский, охраняющий вход, спокойно попыхивает сигареткой. В третьем зале апелляционного суда, почти пустом, окна закрыты пожелтевшими бумажными жалюзи. Временно протянутые электрические провода, видимо, ставшие постоянными, свисают со стен грязно-серого цвета.

Заседание начинается с полуторачасовым опозданием. Слушается дело местного художника по имени Лино Фронджа, который все это время терпеливо ожидал, сидя на скамье. Он знает, что его судьба на будущие годы (сейчас ему шестьдесят один) зависит